

ФЕНОМЕН ТРАМПА И АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ*

ВЛАДИМИР ПЕЧАТНОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В центре внимания статьи – вопрос о том, как и почему несистемный кандидат Дональд Трамп смог победить на выборах 2016 г. в США, несмотря на сопротивление собственной партии и большей части политической элиты страны. Анализируются американские дебаты о причинах, характере и возможных последствиях этого феномена для будущего американской демократии.

Важнейшим слагаемым победы Трампа стало протестное голосование трудовой Америки, прежде всего – жителей штатов Среднего Запада и американской глубинки вследствие ухудшения их материального положения, обусловленного негативными последствиями глобализации и деиндустриализации страны. Вторым мотивом протестных настроений стало болезненное восприятие голосовавшими потери национальной идентичности в условиях глубоких изменений расово-этнического состава населения США и распространения политики мультикультурализма, навязываемой либеральной элитой страны.

Избирательная кампания Трампа сумела эффективно мобилизовать и оседлать этот социальный протест, направив его против политической элиты, ведущих СМИ и политико-академического сообщества, обвиненных в грубом игнорировании интересов простых американцев. Выступая от имени «забытой Америки», Трамп предложил популистскую программу действий, созвучную ее настроениям. Политический класс страны воспринял победу Трампа и его сторонников как авторитарно-националистическую угрозу либеральным институтам, которую необходимо купировать. Актуальность задачи защиты либеральной демократии от ее популистских крайностей усиливается ее интернациональным характером.

В статье рассматривается эрозия основных институциональных преград на пути популистского протеста – антимажоритарных элементов конституции Соединенных Штатов, контроля партийного руководства над номинационным процессом, доминирования политической элиты в информационном пространстве через ведущие СМИ и экспертное сообщество. Поскольку процесс этой эрозии носит необратимый характер, основное внимание в развернувшихся в США дебатах концентрируется на поисках конструктивного ответа на популистский вызов, нацеленного на минимизацию его предпосылок – вопиющего социально-экономического неравенства, негативных последствий глобализации, крайностей мультикультурализма. Феномен Трампа, заключает автор, поставил американский либерализм перед серьезным испытанием.

Ключевые слова:

Трамп; популизм; демократия; либерализм; политическая элита; выборы 2016 г.

Неожиданная победа несистемного кандидата Дональда Трампа потрясла Америку и вызвала небывалую волну комментариев и дебатов о причинах, характере и возмож-

ных последствиях этого феномена для будущего страны. Никогда ранее президентом США не становился человек, который, бросив вызов сначала своей собственной пар-

* Автор выражает благодарность профессору МГИМО Э.Я. Баталову и почетному профессору Оксфордского университета А. Брауну за ценные замечания, высказанные в ходе работы над этой статьей.

Для связи с автором / *Corresponding author:*
Email: vopechatnov@gmail.com

тии, а затем и большей части политической элиты страны, сумел выйти победителем.

Столь сплоченного фронта политического класса против кандидата одной из ведущих политических сил в Америке не было с 1896 г., когда кандидатом демократов вопреки партийной верхушке стал Уильям Брайан, выступивший с популистской платформой борьбы против «золотого стандарта» и Уолл-стрит. Брайана подняла волна массового фермерского протеста, поддержанного профсоюзами, социалистами и другими леворадикальными силами страны, страдавшими от капиталистической индустриализации и засилья финансово-промышленной плутократии.

Ответом стала тотальная мобилизация политических ресурсов большого бизнеса, направленная на то, чтобы (по выражению тогдашнего шефа нью-йоркской полиции и будущего президента Т. Рузвельта) «не допустить этого проклятого фанатика в Белый дом». Сокрушительное поражение Брайана, писала в то время одна из ведущих газет страны, «является святым долгом каждого бизнесмена и всех остальных, кому дороги жизнь и собственность» [Печатнов 2008: 30–38]. Несмотря на то что Брайан проиграл с разницей в полмиллиона голосов, ряд требований популистов впоследствии был воспринят ведущими партиями и выразился в реформах «прогрессивной эры».

В 2016 г. практически вся «большая» пресса и основные телеканалы США выступили против Трампа с тем, чтобы «не пустить этого невежественного и безрассудного тирана в Белый дом»¹. Весь либеральный истеблишмент, подавляющее большинство политико-академического сообщества, многие деятели самой Республиканской партии также пытались остановить Трампа, однако, в отличие от 1896 г., сделать этого не удалось. Вопрос о том, как и почему такой результат стал возможным в

условиях американской демократии, представляется одним из основных в послевыборных дебатах. В них также были поставлены извечные российские вопросы – «кто виноват?» и «что делать?».

1

С точки зрения общей расстановки политических сил выборы 2016 г. не сильно выделялись в контексте электоральной истории США последней четверти века. Контуры партийно-политического ландшафта страны не претерпели существенных изменений: две весьма устойчивые и относительно равновеликие электоральные коалиции, подразумевающие высокую вероятность победы незначительным большинством, а также – риски расхождения между голосами избирателей и распределением выборщиков [Печатнов 2010: 282, 290].

В последних американских выборах роль электорального «довеска», ставшего важнейшим слагаемым успеха Трампа, сыграли голоса малообеспеченной части белого рабочего класса, проживающего в «ржавом поясе» Америки – штатах Среднего Запада (прежде всего – Мичигане, Висконсине и Пенсильвании), которые в последние годы «кочуют» от одной партии к другой. Полученное кандидатом от Республиканской партии в них минимальное преимущество перед Хилари Клинтон в 77 тыс. голосов оказалось достаточным, чтобы завоевать 46 дополнительных голосов выборщиков и обеспечить победу в президентской гонке, несмотря на общее отставание по числу сторонников в масштабах всей страны (здесь разрыв в пользу Клинтон составил около 2,9 млн голосов)².

По данным опросов, за Трампа проголосовало 67% белых американцев без высшего образования против 28% за Клинтон. Основная масса избирателей этой категории проживают в сельской местности и

¹ The Editorial Board. Imagining America on Nov. 9. The New York Times, 06.11.2016 URL: www.nytimes.com/editorial/2016/11/06/opinion/sunday/imagining-america-on-nov-9.html

² В общей сложности Трамп победил в 4 из 5 штатов, где шансы обоих кандидатов были практически равны – уникальный случай в электоральной истории США (см.: *Cohn N. Why Trump Had an Edge in the Electoral College. The New York Times, 19.12.2016. URL: <http://nyti.ms/2i6AKWI>*).

небольших городах (где преимущество Трампа составило 62% против 34% у Клинтон, а среди белых мужчин – 72% против 24%), тогда как кандидат демократов уверенно (59% против 35%) победила в наиболее урбанизированных районах страны³.

То обстоятельство, что рабочие (в прошлом – опора демократов) проголосовали за миллиардера-республиканца, оказалось главной сенсацией для большинства обозревателей и участников выборного процесса. Между тем эта инверсия имела глубокие причины. Еще несколько лет назад американские социологи отметили следующую аномалию: на фоне общего (хотя и разнотемпного) роста в социальном благополучии практически всех основных групп американского общества социально-демографические показатели малообеспеченных белых пошли вниз. Впервые за долгие годы продолжительность жизни этой части населения стала сокращаться настолько значительно, что потянула за собой вниз этот показатель для всей белой Америки.

Исследователи выяснили, что причиной столь резкого снижения продолжительности жизни этой части американского общества стал рост числа самоубийств, уровня преступности, отравлений алкоголем и дешевыми наркотиками. Последующий анализ морально-психологического состояния малообеспеченных белых американцев обнаружил распространение в их среде массовой депрессии, ощущения безнадежности и фрустрации, вызываемой потерей былого статуса и самоуважения.

Одним из первых эмпирических исследований бедственного положения белых низов стала работа известного социолога либертарианского толка Ч. Мэррея «Рас-

пад: состояние белой Америки, 1960–2010». В ней автор наглядно, на примерах конкретных местностей, показал, как разошлись пути благополучной и «другой» белой Америки. За этим последовало немало работ, написанных авторами, придерживающимися различных взглядов, но рисующих одну и ту же картину деградации белой американской глубинки [Murray 2013; Putnam 2015; Isenberg 2016; Hochschild 2016]. Один из самых парадоксальных выводов исследователей состоял в том, что ее обитатели чувствовали себя гораздо более обделенными, нежели расово-этнические меньшинства, уступающие им по уровню жизни. В данном случае имел место известный социологам феномен «относительной обездоленности». Среди афроамериканцев, например, уровень оптимизма в отношении собственного благополучия в три раза превышал соответствующий показатель белых сельских жителей⁴.

Даже выход американской экономики из кризиса 2008–2010 гг. не улучшил положения белой глубинки, поскольку большая часть новых рабочих мест была создана в сфере услуг, сконцентрированной в больших городах с их цветным населением. Из 9 млн новых рабочих мест, созданных в 2007–2016 гг., более двух третей пришлось на афроамериканцев, испаноязычных и азиатов, тогда как белые американцы потеряли около 700 тыс. рабочих мест⁵. Разрыв между процветающими мегаполисами и переживающей упадок глубинкой постоянно растет. В результате на выборах 2016 г. явное большинство «пессимистов» проголосовало за протестного кандидата: 72% избирателей Трампа считали, что «состояние американского общества и образа жизни ухудшаются с 1950-х годов», а 46,2%

³ Tyson A., Maniam S. Behind Trump's Victory: Divisions by Race, Gender and Education. Pew Research Service, 9.11.2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/11/09/behind-trumps-victory-divisions-by-race-gender-education/>

⁴ Graham C., Pinto S. Unhappiness in America: Desperation in White towns, Resilience and Diversity in the Cities. Executive Summary. Brookings Institute, 29.09.2016. URL: <https://www.brookings.edu/research/unhappiness-in-america-desperation-in-white-towns-resilience-and-diversity-in-the-cities/>

⁵ Porter E. Where Were Trump Voters? Where the Jobs Were Not. The New York Times, 13.12.2016. URL: www.nytimes.com/2016/12/13/business/economy/jobs-economy-voters.html

чувствовали себя «чужими в своей собственной стране»⁶.

Среди причин этой массовой депрессии на первое место, таким образом, следует поставить *ухудшение материального положения малообеспеченных белых*. С 1970-х годов наблюдается стагнация реальной заработной платы несельскохозяйственных рабочих, хотя экономика росла как в валовых, так и в подушевых показателях (ВВП на душу населения с 1980 г. вырос примерно в два раза), что свидетельствует о неравномерном распределении результатов экономического роста. Согласно статистическим данным, в 1975–2007 гг. 80% роста доходов приходилось на самую зажиточную часть общества, составившую лишь 10% населения. С 1980 по 2014 г. реальные доходы «верхнего» 1% населения увеличились более чем в три раза и составили 20,2% всех доходов (по сравнению с 10,7% в 1980 г.), тогда как доходы нижней половины населения страны остались без изменений, а их доля в национальном доходе упала с 19,9 до 12,5%⁷. В целом Соединенные Штаты вернулись по уровню имущественного неравенства к уровню дореформенного капитализма «позолоченного века» (последней трети XIX столетия) и занимают по степени расслоения первое место среди развитых стран Запада.

За наблюдаемым регрессом, как демонстрируют исследования американских социологов и экономистов, стоит сложный комплекс факторов. Вместе с тем наиболее значимым стало сокращение рабочих мест в промышленности, вызванное автоматизацией, деиндустриализацией, аутсорсингом и растущей конкуренцией со стороны более дешевой иностранной рабочей силы

в ходе глобализации⁸. Так, средняя почасовая компенсация промышленного рабочего США более чем в шесть раз превышает заработок мексиканского рабочего и в девять раз – китайского⁹.

Обостряется конкуренция за рабочие места и внутри страны – она разворачивается, в частности, между коренными американцами и иммигрантами. Соотношение сил между бизнесом и рабочим классом со времен рейганизма неуклонно смещается в пользу первого по мере ослабления профсоюзов и укрепления позиций предпринимателей, что усиливает давление на заработную плату наемного труда. Налоговая политика (особенно при республиканцах) также сориентирована на интересы компаний и более обеспеченных слоев населения. Сказывается и растущий «цифровой разрыв» в уровне образования между благополучной и люмпенизированной Америкой, и упадок традиционной нуклеарной семьи с двумя работающими родителями.

Многие граждане США переживают сегодня кризис «американской мечты», суть которой традиционно состояла в уверенности в неуклонном повышении уровня жизни от поколения к поколению. Экономистам Стэнфордского университета в недавнем исследовании удалось квантифицировать этот процесс на основе обработки громадного массива налоговой информации за многие десятилетия. Они сравнили уровень заработков между поколениями и выяснили, что у родившихся в 1940-х годах шансы зарабатывать больше своих родителей составляли 92%, у корогты 1950-х годов – 79, 1960-х – 1970-х – 62–61, а у родившихся в 1980-х годах – только 50%¹⁰. В результате в стране растет

⁶ Edsall T. Trump Voters Are Feeling It. The New York Times, 8.12.2016. URL: <http://nyti.ms/2hn12mD>

⁷ Cohen R. A Bigger Economic Pie, but a Smaller Slice for half of the U.S. The New York Times, 6.12.2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/12/06/business/economy/a-bigger-economic-pie-but-a-smaller-slice-for-half-of-the-us.html>

⁸ Подробный анализ этого фактора см.: Симония Н., Торкунов А. Феномен Трампа // Российская газета. 08.09.2016.

⁹ Rattner S. 2016 in Charts (and Can Trump Deliver in 2017). The New York Times, 3.01.2017. URL: www.nytimes.com/2017/01/03/business/economy/2016-in-charts-and-can-trump-deliver-in-2017.html

¹⁰ Leonhardt D. The American Dream, Quantified at Last. The New York Times, 8.12.2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/12/08/opinion/the-american-dream-quantified-at-last.html>

неуверенность в завтрашнем дне, на которую и сумел сыграть Трамп. Эпицентр пессимизма не случайно сформировался именно в ключевых для исхода президентских выборов штатах Среднего Запада: Пенсильвании, Мичигане, Висконсине, Огайо и Индиане – в 2009–2016 гг. на них пришлось 1,2 млн потерянных рабочих мест в промышленности (одна треть от общего количества по стране в целом), а падение реальной заработной платы составило от 1% в Висконсине до 27% в Мичигане¹¹.

Другая важная причина депрессивного состояния белой трудовой Америки – *меняющийся расово-этнический состав страны*. Если сейчас цветное население США составляет около 30%, то, по всем прогнозам, к середине XXI столетия в стране уже не будет «расы большинства» (по выражению Уильяма Клинтона в бытность его президентом)¹². Иными словами, белое население станет меньшинством в собственной стране при том, что знаменитый «плавающий тигль» уже не обеспечивает быстрой ассимиляции растущего испаноязычного населения Соединенных Штатов. Эта серьезнейшая трансформация особенно болезненно воспринимается экономически наиболее уязвимой частью белой Америки, усиливая у нее ощущение утраты былого статуса. Не случайно сторонники Трампа из числа малообеспеченных белых американцев ставят на второе место после состояния экономики в списке основных проблем страны проблему иммиграции.

Интересно, что к мигрантофобии более склонны жители расово гомогенных сельских территорий, нежели горожане, адаптировавшиеся к сосуществованию с иммигрантами. Эффект «заочного страха» в совокупности с растущим социокультурным

разрывом между белой патриархальной глубинкой и чуждыми ей иммигрантскими массами, огульно отождествляемыми с преступностью, терроризмом и иждивенчеством, актуализировали в сознании жителей Соединенных Штатов перспективу дальнейшего размывания исторического англосаксонского ядра американской нации. Она ставит под угрозу сохранение ее традиционной идентичности. Вопрос «Кто мы?», поставленный в известной работе Самюэля Хантингтона более десятилетия назад [Хантингтон 2004], с каждым годом приобретает все большую остроту, в особенности среди социальных консерваторов (85% сторонников Трампа считает, что «Америка утратила идентичность»)¹³.

Третьим фактором деморализации белой рабочей Америки становится *мультикультурализм, политкорректность и моральный релятивизм либералов*. Начиная с 1960-х годов основное внимание либерального истеблишмента было направлено на интеграцию расовых и других непривилегированных меньшинств, их подтягивание до уровня среднего американца. Как следствие, разрыв между цветной и белой Америкой заметно сократился. Средний доход афроамериканца, составлявший в 1970 г. 69% от дохода белого американца, к 2013 г. возрос до 75%; продолжительность жизни выросла с 69,1 лет в 1990 г. до 75,6 в 2014 г. (по сравнению с соответственно 76,1 и 79 годами у белых американцев)¹⁴. Значительный прогресс был достигнут и в сфере правового статуса меньшинств, в том числе – сексуальных (особенно в период президентства Б. Обамы). В 2015 г. решением Верховного Суда по делу *Obergefell et al. v. Hodges* были полностью легализованы однополые браки, что по существу узаконило

¹¹ Rattner S. 2016 in Charts (and Can Trump Deliver in 2017). The New York Times, 03.01.2017. URL: www.nytimes.com/2017/01/03/business/economy/2016-in-charts-and-can-trump-deliver-in-2017.html

¹² См., например: Kotkin J. The Changing Demographics of America. Smithsonian Magazine, August 2010. URL: www.smithsonianmag.com/travel/the-changing-demographics-of-america-538284/

¹³ Edsall T. Trump Voters Are Feeling It. The New York Times, 8.12.2016. URL: <http://nyti.ms/2hn12mD>

¹⁴ Graham C., Pinto S. Unhappiness in America: Desperation in White towns, Resilience and Diversity in the Cities. Executive Summary. Brookings Institute, 29.09.2016. URL: <https://www.brookings.edu/research/unhappiness-in-america-desperation-in-white-towns-resilience-and-diversity-in-the-cities/>

новое понятие семьи, в корне отличное от традиционного [Печатнов 2017: 31–34]. Активно претворяется в жизнь политика «позитивных действий», обосновывающая необходимость повышения статуса меньшинств в основных сферах общественной жизни. Ее идеологией стали политкорректность и мультикультурализм, провозглашающие равное право всех расово-этнических групп, культур и образов жизни на существование и недопустимость их ущемления словом или делом.

Многие белые американцы рассматривают борьбу либералов с последствиями прошлой дискриминации в отношении меньшинств как текущую дискриминацию в отношении их самих. Такое восприятие особенно остро проявляется в среде моральных консерваторов, проживающих в сельской глубинке с её традиционными ценностями.

Лишь четверть избирателей Трампа поддерживают права сексуальных меньшинств (по сравнению с двумя третями сторонников Клинтон). Их также пугает радикализм чернокожей молодежи в борьбе с полицией. В ответ на движение афроамериканцев под лозунгом «Черные жизни имеют значение» они выдвинули свой призыв – «Белые жизни тоже имеют значение». Только 6% голосовавших за Трампа положительно относятся к этому движению афроамериканцев (среди сторонников Клинтон таких 53%). Электорат нового президента считает, что расовые отношения в стране ухудшаются, и винит в этом федеральное правительство, которое, по мнению 80% сторонников Трампа, «зашло слишком далеко в оказании помощи меньшинствам»¹⁵.

В результате белый рабочий класс ощущает себя не только забытым экономически, но и униженным морально: либеральная элита считает его ретроградным и навязывает чуждые моральные принципы, устанавливая новые рамки дозволенного и предосудительного поведения. По сути

президентство Обамы опиралось на коалицию меньшинств и либеральной интеллигенции, которая защищала их права вопреки сопротивлению белой англосаксонской глубинки Америки.

Накануне выборов одна из исследовательских организаций предложила избирателям выбрать одну из предложенных моделей поведения:

(1) даже если это обижает каких-то людей, важно откровенно говорить о чувствительных вопросах и проблемах страны;

(2) важно избегать использования выражений, которые ранят и обижают некоторых людей при обсуждении чувствительных вопросов.

Белые мужчины – сторонники Трампа, предпочли первую позицию в соотношении 69% против 27%, поддержавших вторую¹⁶.

В свете затяжного кризиса, связанного с самовосприятием социоэкономического статуса белой трудовой Америкой, удивительно не то, что она наконец заявила о себе, а то, почему «этот взрыв не произошел гораздо раньше» [Fukuyama 2016: 61]. Политическое землетрясение 2016 г. имеет своих предвестников. Еще в 1992 г. республиканец Патрик Бьюкенэн в борьбе за выдвижение в президенты от Республиканской партии выступил с антииммигрантской, квазиизоляционистской программой, объявив о начале «культурной гражданской войны» в сфере морали. В своих речах он охарактеризовал Россию как последний резерв белой христианской цивилизации на фоне «вымирающего Запада». Тем не менее во время праймериз он получил всего 2% голосов в своей партии.

В том же 1992 г. техасский миллиардер Росс Перро, возглавивший созданную им независимую партию, собрал около 20% голосов избирателей (преимущественно представителей белого среднего класса американской глубинки), выступая под лозунгами борьбы с Вашингтонским истеблишментом, оторвавшимся от простого

¹⁵ A Divided and Pessimistic Electorate. Pew Research Center, 10.11.2016. URL: <http://www.people-press.org/2016/11/10/a-divided-and-pessimistic-electorate>

¹⁶ Edsall T. Trump Voters Are Feeling It. The New York Times, 8.12.2016. URL: <http://nyti.ms/2hn12mD>

народа. На выборах 2008 г. на правопопулистском поле выступила республиканка Сара Пэйлин, ставшая кандидатом в вице-президенты. В 2009–2010 гг. на правом фланге развернулось новое массовое движение – «Партия чаепития», направленное против мультикультурализма и политкорректности. Его представители блокировали многие либеральные начинания администрации Б. Обамы [Гарбузов 2016: 7–9].

Обе ведущие политические силы страны реагировали на это популистское брожение довольно вяло. Правые республиканцы заигрывали с «Партией чаепития», но ее сторонники с большим недоверием относились к партийной верхушке, которая, впрочем, платила им взаимностью. Демократы предпочитали не замечать проблем «уходящего» рабочего класса, все больше ориентируясь на новые, считавшиеся более перспективными отряды своей электоральной базы (городские средние слои, расовые и другие меньшинства, либеральную интеллигенцию, работающих женщин). Сдвиг от экономического либерализма в сторону культурного «либерализма идентичности» усугублялся.

Неслучайно в ходе предвыборной кампании 2016 г. Клинтон отозвалась о сторонниках Трампа как о «жалких и презренных» неудачниках, исповедующих отсталые, а подчас и реакционные взгляды, не вписывающихся в новое постиндустриальное общество. Это пренебрежение интересами рабочей и сельской Америки имело роковые последствия для кампании кандидата от демократов, которая (как подтверждается в новейшем журналистском расследовании Дж. Аллена и Ф. Парнеса) пренебрегла советами мужа и других опытных демократов обратить особое внимание на рабочий электорат «ржавого пояса» [Allen, Parnes 2017]¹⁷.

Выборы 2016 г. стали кульминацией давней тенденции к сокращению влияния де-

мократов за пределами постиндустриальных мегаполисов: У. Клинтон в 1992 г. получил большинство в 1519 графствах (против 1582 у Джорджа Буша-старшего), Обама – в 875 (2008) и в 693 (2012), а Х. Клинтон – в 499 (против 2622 у Трампа).

В последнее время в прессе и социальных сетях США большой резонанс получила ранее мало обсуждавшаяся книга известного американского философа Р. Рорти, вышедшая аж в 1998 г. Автор предупреждал, что рано или поздно политика либералов, «забывших об экономической справедливости ради “политики идентичности”, приведет к тому, что “наступит слом”». Забытый электорат решит, что «система потерпела неудачу, и начнет озираться в поисках сильного человека, чтобы отдать за него свой голос – того, кто их заверит, что, если он будет избран, самодовольные бюрократы, ненадежные адвокаты, слишком хорошо оплачиваемые торговцы акциями и профессора-модернисты не будут править бал... Вполне вероятно, что завоевания за последние сорок лет черных и коричневых американцев и гомосексуалистов будут уничтожены. Шутливое презрение к женщинам снова войдет в моду. Слова “нигер” и “жид” станут снова слышны на рабочих местах» [Рорти 1998: 100–101]. Книга Рорти (скончавшегося в 2007 году) спешно переиздана Гарвардским университетом, ибо время предсказанного им слома настало. Спрос обедневшей белой Америки на «сильного человека» нашел парадоксальное предложение в виде эксцентричного миллиардера с нью-йоркской Пятой авеню.

2

Секрет успеха кроется не в способности Трампа к сопереживанию белому простонародью (хотя он не чужд его духовным запросам), а в целенаправленном и очень эффективном использовании им и его ко-

¹⁷ Allen J., Parnes A. Shattered: Inside Hillary Clinton's Doomed Campaign. New York: Crown Books, 2017. См. рецензию «Нью-Йорк таймс» на эту работу: Kakutani M. Shattered Charts Hillary Clinton's Course into the Iceberg. The New York Times, 17.04.2017. URL: www.nytimes.com/2017/04/17/books/shattered-charts-hillary-clintons-course-into-the-iceberg.html

мандой психологических комплексов американской глубинки, осуществленном с применением новейших технологий политического маркетинга. Главным политическим стратегом кампании кандидата от Республиканской партии стал Стивен Бэннон — успешный маклер, превратившийся в одного из организаторов правого популизма, шеф-редактора популярного в этих кругах сайта «Брейтбарт». В его предвыборном «бункере» работали опытные политтехнологи, в том числе европейцы, связанные с кампанией за выход Великобритании из ЕС и правопопулистскими движениями Европы. Они хорошо знали этот человеческий материал и сумели точно нацелить кампанию на ключевые отряды электората в критически важных штатах.

Главный посыл Трампа белой трудовой Америке был, в сущности, прост и скроен по классическим лекалам популизма. *Во-первых*, он признал ее бедственное положение и открыто заговорил о ее проблемах. *Во-вторых*, он указал виновников ее бед вовне и внутри страны (глобализация, элита, иммигранты, финансовый капитал, иностранные государства, использующие Америку в своих интересах). Вот как сам Трамп описал их в своей программной речи перед избирателями Вест-Палм Бич (Флорида, октябрь 2016 г.): «Политический истеблишмент, который пытается нас остановить, это та же самая группа, которая несет ответственность за разрушительные торговые сделки, массовую нелегальную иммиграцию, за экономическую и внешнюю политику, обескровившую нашу страну. Политический истеблишмент, приведший к ликвидации наших заводов и рабочих мест, которые утекают в Мексику, Китай и другие страны по всему миру. Это глобальная власть, ответственная за экономические решения, которые обокрали наш рабочий класс и переправили богатство нашей страны в карманы кучки больших корпораций и политических группировок. Единственное, что может остано-

вить эту продажную машину — это вы! Единственная сила, способная спасти нашу страну, — это мы!»¹⁸.

В-третьих, Трамп обещал быстро и эффективно решить существующие проблемы и снова «сделать Америку великой». Его лозунги резко отличались от стерильно-технократических рецептов оппонентов: «отбомбить их к такой-то матери» (о запрещенной в России ИГИЛ), «построить стену и заставить Мексику оплатить ее» (о нелегальной иммиграции), «китайские выдумки» (о концепции глобального потепления).

Внешнеполитические установки Трампа хорошо резонировали в правопопулистской среде. Их суть — национальный эгоизм («Америка превыше всего»), которому надо подчинить все остальное. Дежурно-обязательной риторике об «американской исключительности», правах человека, о спасительной роли США в демократическом переустройстве мира он противопоставил набор простых обывательских решений: хватит помогать другим, хватит заниматься «социальной инженерией» и сменой режимов в разных странах, нельзя больше позволять другим странам использовать Америку в своих целях, надо жестче отстаивать свои торгово-экономические и другие интересы даже в отношениях с союзниками. Эти рецепты сочетались с упором на военную мощь и свободу рук США на мировой арене. Такая смесь неоизоляционизма, воинственного национализма и унилатерализма шла в русле «джексоновской традиции» (как окрестил ее известный американский международник У.Р. Мид), берущей свое начало от седьмого президента страны [Mead 2017].

В противоположность электоральной стратегии демократов Трамп сделал ставку на защиту белой англосаксонской Америки от либералов и расово-этнических меньшинств, обещая вернуть ее былой статус и повернуть вспять прогрессирующий упадок. Противопоставление «средней Амери-

¹⁸ Цит. по: Edsall T. What Does Your Party Want? The New York Times, 5.01.2017. URL: [//www.nytimes.com/2017/01/05/opinion/what-does-your-party-want.html](http://www.nytimes.com/2017/01/05/opinion/what-does-your-party-want.html)

ки» либеральной политической элите и покровительствуемым ею меньшинствам характерно для правого популизма США, начиная с движения Дж. Уоллеса в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Свою программу Трамп презентовал общественности с непривычно грубой откровенностью, демонстративно пренебрегая политкорректностью. Он обращался к электорату на языке кухонь и спортивных раздевалок, который впервые зазвучал с высокой трибуны на всю страну и мир. Подобное нарушение табу шокировало интеллигенцию, но импонировало обывателю, который считал, что нашелся наконец смелый политик, не побоявшийся назвать вещи своими именами. Манера Трампа не только давала выход накопившемуся возмущению простых американцев, но и легитимизировала их доморощенный дискурс, который до сих пор они стеснялись использовать публично. В первую очередь это касается правых радикалов, которые раньше общались преимущественно в своем замкнутом мире. «Он (Трамп. – *Авт.*) говорит то, что думают все, – заявил один из лидеров праворадикальной «Партии свободы», – теперь и мы можем открыто говорить об этом»¹⁹. Умеренные, сомневавшиеся в компетентности Трампа и недовольные его грубостью, тем не менее голосовали за него как за меньшее зло по сравнению с непопулярной Клинтон. Они видели в его фигуре хоть какую-то надежду на перемены. «Если вы застряли в городке, где нет работы, – писал обозреватель «Нью-Йорк таймс» Д. Брукс, – если вы едва сводите концы с концами и видите, как ваши друзья подсаживаются на дешевые наркотики, а тут появляется мужик, который вас слышит и берется решить ваши проблемы, вы закроете глаза на некоторые его выходки»²⁰.

Популистская традиция в Америке никогда не исчезала, принимая разные формы то на левом, то на правом фланге политического спектра. Как правило, популистские движения поднимали проблемы, которые игнорировали главные партии. Они вновь ослабевали, как только последние перехватывали у них более умеренные идеи и проводили их в жизнь. Были у популистской Америки и свои лидеры, но никто из них до сих пор не становился президентом страны.

Дело осложняется личными качествами Трампа (импульсивностью, непредсказуемостью, нарциссизмом и страстью к саморекламе), отсутствием у него всякого политического опыта, а также характером его массовой поддержки. Новый президент Соединенных Штатов – лидер с авторитарными замашками, который опирается не столько на Республиканскую партию, сколько на правопопулистскую массу, приверженную ему лично. Он называет ее «движением», а себя – его «посланцем». Трамп строит отношения с электоратом по модели вождизма – «верьте мне, и я все решу», что чрезвычайно характерно для всех движений популистского толка. Поддерживающая его масса настроена весьма решительно и ждет от своего лидера обещанных быстрых перемен, невзирая на возможные издержки. Согласно опросам, 53% сторонников Трампа выступают за «новые подходы, способные решить проблемы, но с риском сделать положение еще хуже», отвергая «проверенные подходы, которые решают проблемы постепенно, хотя и медленно» (среди сторонников Клинтон первый тезис поддерживают – 16%, второй – 84%)²¹. К правому флангу сформировавшегося вокруг нового президента США движения примыкают малочисленные партии и организации экстре-

¹⁹ Feuler A., Higgins A. Extremists Turn to a Leader to Protect Western Values: Vladimir Putin. The New York Times, 3.12.2016. URL: www.nytimes.com/opinion/2016/12/03/extremist-turn-to-a-leader-to-protect-western-values-vladimir-putin.html

²⁰ Brooks D. View from the Trump Tower. The New York Times, 11.11.2016. URL: www.nytimes.com/2016/11/10/opinion/view-from-the-trump-tower.html

²¹ A Divided and Pessimistic Electorate. Pew Research Center, 10.11.2016. URL: <http://www.people-press.org/2016/11/10/a-divided-and-pessimistic-electorate>

мистского толка, которые с энтузиазмом поддержали Трампа на выборах и от которых он не спешит отмежевываться.

В этой связи некоторые известные обозреватели, в том числе и неоконсерваторы типа Р. Кейгана, пишут об угрозе «мобократии» и даже фашизма в Америке²². Недавние самоуверенность и пренебрежение политического истеблишмента в отношении Трампа после его победы сменились страхом и даже паникой. Надежды на то, что отрезвление властью, давление федеральной бюрократии, общественное мнение и система сдержек и противовесов вынудят Трампа вести себя более предсказуемо и ответственно, могут не оправдаться. Уже упоминавшийся Кейган предупреждал: «Неужели такой человек, как Трамп, заполучив в свои руки гораздо большую власть, станет более смиренным, рассудительным и великодушным, чем сегодня и чем он был всю свою жизнь?»²³. Тем более что, по крайней мере, первые два года своего правления президент будет опираться на республиканское большинство в обеих палатах Конгресса, доминирование республиканцев на уровне штатов и на большинство в Верховном суде, в котором он в начале своего правления сумел заполнить возникшую вакансию.

Такое сосредоточение всех «командных высот» власти в руках одной политической силы само по себе весьма редкое явление в истории США. В данном случае оно приобретает новое (для многих — угрожающее) значение в сочетании с явно усилившейся тягой рядовых американцев к «сильной руке». Три четверти опрошенных службой агентства Рейтер в день выборов согласились с тезисом о том, что «Америка нуждается в сильном лидере, способном отнять страну у богатых и власть имущих»²⁴. Именно это и обещал Трамп в своей воинственной инаугураци-

онной речи, покоробившей многих представителей элиты, присутствовавших на церемонии.

Указанные настроения характерны уже не только для Соединенных Штатов. Ведущие западные политологи еще до победы Трампа посвятили специальный выпуск авторитетного журнала Американской академии «Daedalus» проблеме политического руководства, с тревогой констатируя нарастание общественного спроса на сильное лидерство во многих странах Европы и Америки [Brown 2016: 109–123]. Призрак правого популизма авторитарно-националистического толка бродит по всей Европе, угрожая стабильности либеральных демократий Запада и всему созданному ими международному порядку с его военно-политическими союзами, торговыми пактами, экономической и политической интеграцией и правовыми рамками. «Популизм на марше», — утверждает известный публицист Фарид Закария в статье с красноречивым подзаголовком «Почему Запад в беде» [Zakaria 2016]. Бывший британский премьер Энтони Блэр бьет тревогу в связи с подъемом правого популизма «по обе стороны Атлантики»²⁵ и даже создал мозговой центр по борьбе с его идеологией. Не случайно и уходящий президент Б. Обама посвятил свое прощальное обращение к стране защите либеральной демократии, назвав автократию, наряду с международным терроризмом, главной угрозой всему демократическому Западу.

3

Что нужно сделать, чтобы исключить или хотя бы минимизировать возможность повторения подобного популистского захвата власти в будущем, — еще один вопрос, обсуждаемый сейчас в академических и политических кругах США. Ответ на него

²² Kagan R. This is How Fascism Comes to America. Washington Post, 18.05.2016.

²³ Ibidem.

²⁴ Edsall T. The Democratic Coalition's Epic Fall. The New York Times, 10.11.2016. URL: <http://nyti.ms/2eEZNhd>

²⁵ Blair T. Against Populism, the Center Must Hold. The New York Times, 03.03.2017. URL: <https://nyti.ms/2lINzC2>

связан с анализом системных причин, позволивших Трампу преодолеть институциональные барьеры и сопротивление большей части политической элиты на пути в Белый дом. Требуется объяснения: почему политическая система США, которая до сих пор исключала подобные аномалии, теперь оказалась для них уязвимой?

Единственной реальной попыткой узурпации президентской власти в истории США было правление Ричарда Никсона (в 1969–1974 годах). Он, как и Трамп, выступал от имени «забытого большинства», «преданного» либералами, и не случайно за него проголосовала большая часть белого рабочего класса, впервые отошедшего от демократов. Опираясь на эту поддержку, Никсон бросил скрытый вызов доминировавшему в то время либеральному истеблишменту и СМИ, действовал в обход Конгресса и федеральной бюрократии, а также затеял беспрецедентную централизацию исполнительной власти.

В отличие от Трампа, Никсон не был харизматическим лидером популистского толка. Он оставался профессиональным политиком, прошедшим традиционную школу Республиканской партии, имел большой политический опыт и придерживался принятой стилистики поведения. Тем не менее «система» в лице Конгресса, независимых судов, федеральной бюрократии, СМИ и общественного мнения обуздывала зарвавшегося президента, вынудив его уйти в отставку под неотвратимой угрозой импичмента. Последующие реформы отчасти восстановили нарушенный баланс в разделении властей и создали ряд новых ограничений полномочий президента, опираясь на дух и букву американской конституции.

«Отцы-основатели» США вслед за Платоном и другими античными мыслителями видели главную слабость демократии в угрозе ее превращения сначала в охлократию (правление толпы), а затем – в тиранию. Для предотвращения «тирании большинства» и узурпации власти они создали глубоко эшелонированный комплекс «дополнительных мер предосторожности» (как

деликатно называл их Джеймс Мэдисон), призванный максимально затруднить возможность одновременного захвата всех ветвей власти отдельно взятым человеком, организованным меньшинством и даже – большинством. Это была знаменитая система сдержек и противовесов, в которой каждая ветвь власти имела различные источники формирования и сроки полномочий, а также конституционные средства защиты своей самостоятельности от посягательств со стороны других ветвей, ибо «власть должна сдерживать саму себя», по словам того же Мэдисона [The Federalist Papers 1961: 322]. «Отцы-основатели» не доверяли прямой демократии и продумали серию фильтров на пути народного волеизъявления: коллегия выборщиков (первоначально наделенную реальным правом определения наиболее достойных кандидатов на высший государственный пост в стране), двухступенчатые выборы в Сенат как верхнюю палату, призванную сдерживать демократические посылы нижней. Избирательные права были предоставлены только собственникам – белым мужчинам, обладавшим экономической независимостью и потому считавшимся способными к самостоятельному и полноценному участию в политической жизни. Ключевая функция выдвижения кандидатов на пост президента принадлежала узкой группе партийной элиты, которая также служила основным источником их финансовой поддержки.

По мере развития демократии часть этих барьеров исчезла, значение других нивелировалось. Избирательное право стало всеобщим, выборы в сенат – прямыми, непосредственный контроль партийной верхушки над выдвижением кандидатов заменили праймериз, а коллегия выборщиков превратилась в формальность, порой лишь искажающую результаты голосования. Законодательное регулирование президентских выборов привело к децентрализации и размножению источников их финансирования, подорвав былое доминирование демократической и республиканской элиты в этой сфере. Исполнительная (преж-

де всего — президентская) власть стала доминировать над законодательной, нарушив равновесие в системе сдержек и противовесов. Верховный суд превратился из опоры консерватизма и частной собственности в преимущественно правозащитный орган, расширяющий гарантии прав на все новые категории граждан, включая сексуальные меньшинства. Растущая коммерциализация и виртуализация политики все больше превращали политическую жизнь в профессиональное шоу, в котором рядовые избиратели становились зрителями, а успешные шоумены — новыми героями.

Особенно разительные перемены произошли за последние десятилетия в медиасфере. Доминирование крупных газет и трех основных телерадиоканалов, позволявшее политическому классу контролировать информационные потоки и тем самым формировать общественное мнение, сменилось хаосом киберпространства, в котором уже нет авторитетов и даже набора общепризнанных фактов, способных служить основой рациональной дискуссии. «Без этой общей эмпирической базы, — пишет публицист Э. Салливан, — эмоциональная составляющая политики раздувается, а рассудок отстывает. Чем эмоциональней кандидат, тем больше у него или у нее сторонников»²⁶. Демократизация информационной сферы оборачивается свободой дезинформации, которой широко пользуются демагоги всех мастей для дискредитации своих противников. Вместо поисков объективных альтернативных сведений люди все больше замыкаются в кружках своих единомышленников из социальных сетей. Недаром в последние годы в американской политологии все чаще появляются исследования, критически оценивающие воздействие Интернета и социальных сетей на демократические институты страны [Persily 2017].

Когда каждый блогер, по сути, создает свою собственную газету, влияние традиционных СМИ падает, как и доверие к ним со стороны общества²⁷. Этой особенностью современного информационного пространства умело воспользовался Трамп, общавшийся со своими сторонниками через социальные сети и массовые митинги в обход враждебных ему крупных СМИ. Последние, правда, тоже невольно способствовали его успеху, уделяя эпатажному кандидату больше внимания, чем остальным, для поднятия собственных рейтингов. Неожиданная победа Трампа еще более дискредитировала ведущие СМИ, дружно предупреждавшие его неминуемое поражение.

Политические элиты обеих партий и их экспертно-академическое окружение также оказались бессильны остановить Трампа. Авторитет правящего класса и обслуживающих его консультантов был подорван серией больших провалов начала века: заставшими страну врасплох терактами 11 сентября, бессмысленной и нескончаемой войной на Ближнем Востоке, финансовым кризисом 2008–2010 годов, ударившим по всей мировой экономике и благополучию многих миллионов американцев, за который тем не менее никто из власти имущих и финансовых воротил страны не понес ответственность. Самонадеянность элиты, уверовавшей в свою непогрешимость и обладание монополией на истину после исчезновения системной альтернативы в виде социализма, все больше контрастировала с реальностью нарастающих проблем и упадка уровня жизни многих миллионов американцев. Ожесточенная межпартийная вражда в условиях политической поляризации блокировала принятие необходимых решений, что также подрывало авторитет власти. Не удивительно, что кампания Трампа, построенная на противопоставлении «прогневшей элиты», которая

²⁶ Sullivan A. Democracies End When They Are Too Democratic. New York Magazine, 02.05.2016. URL: www.nymag.com/daily/intelligencer/2016/05/america-tyranny-donald-trump.html

²⁷ Так, согласно опросам Гэллапа, к 2017 г. доля американцев, доверяющих газетам, упала до рекордно низкого уровня в 20% (см.: Mendes E. Americans' Confidence in Newspapers Continues to Erode. Gallup, 17.06.2013. URL: <http://www.gallup.com/poll/163097/americans-confidence-newspapers-continues-erode.aspx>)

«не ведает, что творит», и «простого народа», который «прав во всех основных вопросах», нашла большой отклик у рядовых избирателей.

Руководство Республиканской партии поначалу пыталось блокировать номинацию скандального популиста, нарушившего многие традиционные заповеди консерватизма. Было даже создано объединение «Трамп – никогда», в которое вошли ведущие консервативные издания «National Review» и «Weekly Standard». Воздержался от поддержки Трампа и влиятельный республиканский клан Бушей. Тем не менее «политический талант Трампа, – пишет Закария, – состоял в понимании того, что многие республиканские избиратели равнодушны к стандартным заветам партии – свободе торговли, низким налогам, дерегулированию, реформе социальных программ, но с готовностью откликнутся на иное обращение, основанное на культурных страхах и националистических чувствах» [Zakaria 2016: 14].

Эффективность такого посыла подтвердилась на практике и дала Трампу явное преимущество в ходе праймериз, в которых он дистанцировался от республиканской элиты, утратившей доверие рядовых сторонников партии (например, около 60% участников праймериз во Флориде, Мичигане и Пенсильвании считали себя «преданными политиками-республиканцами») ²⁸. Последняя попытка партийного руководства остановить Трампа накануне конвента Республиканской партии путем изменения правил голосования на нем провалилась. В итоге республиканская элита, забыв о принципах, перешла на сторону победителя в надежде реализовать свои приоритеты после восьми лет прозябания в оппозиции.

Демократы, выставив заведомо непопулярного кандидата, не смогли противопоставить Трампу убедительной альтернати-

вы и полностью проиграли ему в использовании политических технологий, несмотря на свой огромный перевес в финансах и экспертно-элитной поддержке. Стена, преграждавшая несистемному кандидату путь в Белый дом, оказалась трухлявой. «...Наполеоновская интуиция Трампа его не подвела, – отмечает Р. Доутэт из «Нью-Йорк таймс», – республиканские лидеры оказались бесхребетными, а элита демократов – столь же уязвимой для него, как тори Кэмерона и лейбористы Блэра – для Брекзита» ²⁹.

Исследователи популизма обоснованно связывают его периодические взлеты с переломными, кризисными периодами общественного развития, когда шатаются устои статус-кво, происходит дискредитация старых элит и их политики [Judis 2016; Окунева 2008: 361–362]. Указанная закономерность справедлива и в отношении современного либерально-демократического порядка, переживающего серьезный кризис. Принципиальная новизна современной ситуации состоит в том, что этот традиционный «стадийный» фактор сочетается с новым институциональным – эрозией опосредующих институтов представительной демократии. Первый фактор порождает «популистский момент», второй облегчает путь его лидеров к власти.

4

Проблема с вышеперечисленными анти-мажоритарными барьерами на пути прямой демократии состоит в том, что в большинстве своем они практически невосстановимы. Невозможно ограничить избирательные права, отменить прямые выборы, праймериз и Интернет. Нереально вернуться во времена господства общепризнанных авторитетов и влиятельной сравнительно однородной политической элиты. Вряд ли удастся остановить и огрубление массовой культуры США, падение

²⁸ Edsall T. The Great Democratic Inversion. The New York Times, 27.10.2016. URL: <http://nyti.ms/2dKOit1>

²⁹ Douthat R. Confessions of a Columnist. The New York Times, 31.12.2016 // www.nytimes.com/opinion/2016/12/31/confessions-of-a-columnist.html

интеллектуального уровня публичного дискурса, в которых некоторые обозреватели видят еще одно слагаемое победы Трампа³⁰. Как же противостоять напору популистской демократии с ее культом сильного лидера, пренебрежением правами меньшинств, другими либеральными принципами и процедурами?

Деятели самых разных взглядов сходятся в одном – необходимости защиты либерализма от популистских крайностей демократии. Эта задача объединяет прогрессистов и принципиальных консерваторов. Старые соперники – один из идеологов неоконсерватизма У. Кристол и известный деятель Демократической партии У. Галстон выступили с совместным призывом к формированию нового политического центра на основе защиты традиционных либеральных ценностей от популизма правого и левого толка, заявившего о себе в избирательных кампаниях Трампа и Берни Сандерса. «Основные институты и принципы либеральной демократии находятся под угрозой, – пишут они в своем манифесте. – Многие из нас – сторонников этой специфической формы самоуправления, были уверены в прочности ее институтов, равно как и в наличии широкого согласия в отношении ее принципов. Теперь мы больше не можем позволить такого благодушия... Мы вместе выступаем против крайне правых, презирающих традиции американского консерватизма, и против шумных левых с их смесью социалистической экономики и политики идентичности. Мы вместе вы-

ступаем против опасного нетерпения в отношении правовых форм и конституционных ограничителей, которые гарантируют нашу свободу»³¹. Многие либеральные активисты, ссылаясь на примеры «Партии чаепития» и социального протеста 1960-х годов, призывают к массовым акциям «гражданского неповиновения», которые получили широкое распространение по всей стране уже в первые дни работы администрации Трампа³².

Однако в том, что касается разработки концептуального ответа на популистскую альтернативу, помимо общей защиты конституционного порядка, мнения политиков и экспертов обеих партий расходятся, как и уроки, извлекаемые ими из победы Трампа. Часть либеральных демократов видят в ней «последний выход на политическую арену белого рабочего класса Америки, мечтающего о прошлом, которое кануло в лету»³³. Согласно этой логике, социально-демографические тенденции развития американского общества и само время работают на демократов, а значит, нет необходимости в пересмотре партийной идеологии и практик, нацеленных на восходящие силы Соединенных Штатов. В конце концов, даже непопулярная Клинтон получила почти на три миллиона голосов больше, чем Трамп. Причем она победила в самых молодых и производительных районах страны, на которые приходится без малого две трети ВВП США и почти три четверти рабочих мест в сфере высоких технологий³⁴. Следовательно, остается только до-

³⁰ *Bruni F.* The President Who Buried Humility. The New York Times, 21.01.2017. URL: www.nytimes.com/2017/01/21/opinion/sunday/the-president-who-buried-humility.html

³¹ Цит. по: *Brooks D.* The Future of the American Center. The New York Times, 29.11.2016. URL: www.nytimes.com/opinion/2016/11/29/the-future-of-the-american-center.html

³² *Levin E., Greenberg L., Padilla A.* To Stop Trump, Democrats Can Learn from the Tea Party. The New York Times, 02.01.2017. URL: www.nytimes.com/2017/01/02/opinion/to-stop-trump-lemocrats-can-learn-from-the-tea-party.html; *Cobb J.* The Return of Civil Disobedience. The New Yorker, 09.01.2017. URL: www.newyorker.com/magazine/2017/01/09/the-return-of-civil-disobedience

³³ Цит. по: *Edsall T.* The Not So Silent White Majority. The New York Times, 17.11.2016. URL: www.nytimes.com/opinion/2016/11/17/the-not-so-silent-white-majority.html

³⁴ *Muro M., Liu S.* Another Clinton-Trump Divide: High Output America vs Low Output America. Brookings Institution, 29.11.2016. URL: www.brookings.edu/blog/the-avenue/2016/11/29/another-clinton-trump-divide-high-output-america-vs-low-output-america; *Edsall T.* Reaching Out to the Voters the Left Left Behind. The New York Times, 13.04.2017. URL: www.nytimes.com/2017/04/13/opinion/reaching-out-to-the-voters-the-left-left-behind.html

ждаться, пока «трампизм» рухнет под тяжестью внутренних противоречий и страна вернется к норме.

Тем не менее большинство трезвомыслящих демократов осознает необходимость серьезной корректировки либерализма — устранения его слабых мест, проявившихся в ходе выборов. Шок, вызванный избранием Трампа, дал толчок к самоанализу, которого так не хватало самоуверенной либеральной элите все последние годы. На повестку дня выходят проблемы социального неравенства, люмпенизации белых низов, негативных последствий глобализации, дисфункции политической системы и кризиса доверия к ней со стороны общества.

Политика «идентичности» и мультикультурализма, ориентированная на социокультурные запросы отдельных групп электората демократов, мало что может предложить для решения этих общенациональных проблем. Привычный энтузиазм либералов в отношении глобализации и демократического переустройства мира также не пригоден для разработки новой внешней политики. Потребуется новые идеи и новое поколение лидеров, опирающихся на активную социальную поддержку, подчеркивает глава нового объединения в Конгрессе США под названием «Без ярлыков» Н. Джекобсон: «Мы отчаянно нуждаемся в движении, которое бы соединяло в себе экономический динамизм, глобальную вовлеченность и социальную опору — что-то от Милтона Фридмана в экономике, Рональда Рейгана во внешней политике и Франклина Рузвельта в социальном государстве»³⁵. Уже сам набор приведенных имен свидетельствует о том, что новых идей у либералов пока немного.

Главная задача в борьбе с популизмом ясна — осушить «болото», питательную социальную среду, в которой произрастают его побеги. Пожалуй, лучше всего сформу-

лировал эту задачу либерализма в борьбе с «армиями трампизма» известный британский историк современности Т.Г. Эш в недавней статье из «*New York Review of Books*». «Отправным пунктом этой борьбы, — пишет он, — должно стать понимание того, какие именно последствия и аспекты социального и экономического либерализма периода после краха (Берлинской. — *Авт.*) стены, а также сопутствующие ему явления типа быстрых технологических перемен привели к отчуждению такого множества людей, которые стали голосовать за популистов, угрожающих самим основам политического либерализма внутри стран и мире в целом. Поставив правильный диагноз, либералы левого и правого толка должны выработать соответствующую политику и новый — доходчивый и эмоционально воздействующий язык, с тем, чтобы вернуть этих разочарованных избирателей. От исхода этой борьбы зависит суть и определение нашей пока еще безымянной эры»³⁶. Либералы в этой связи часто вспоминают опыт «нового курса» Ф. Рузвельта, когда умелая политика социальных реформ, учитывающая протестные настроения, смогла выбить почву из-под ног популистских демагогов того времени.

Ключевой проблемой американской демократии, актуализированной феноменом Трампа, становится социально-экономическое неравенство. Именно в нем коренятся ее основные беды: растущая диспропорция политических ресурсов между богатой и малоимущей Америкой, которая ведет к засилью первой в политическом процессе и игнорированию интересов второй, отчуждение большинства страны от политической системы и порожаемое совокупностью этих факторов социальное недовольство. Причем растущее неравенство постоянно усугубляет эти проблемы, создавая порочный круг. Неравенство «разъедает демократическую идею», сказал

³⁵ Brooks D. The Future of the American Center. The New York Times 29.11.2016. URL: www.nytimes.com/opinion/2016/11/29/the-future-of-the-american-center.html

³⁶ Garton G. Ash. Is Europe Disintegrating? New York Review of Books 19.01.2017. URL: www.nybooks.com/articles/2017/01/19/is-europe-disintegrating

Обама в своем прощальном обращении к стране, поставив эту проблему на первое место в списке болезней американской демократии. Крайнее неравенство, отметил он, ведет нуждающихся людей к убеждению в том, что «их правительство обслуживает только интересы власть имущих, а это верный путь к цинизму и поляризации в нашей политике»³⁷. Вместе с тем, как подтверждают исследования последних лет, снижение неравенства уже не может быть достигнуто традиционными методами (профессиональная переподготовка, помощь бедным), а требует долгосрочной стратегии и комплекса новых мер, в отношении которых среди специалистов идут большие споры [Allen 2016; Inglehart 2016]³⁸. В отличие от традиционного неоллиберального подхода, рассматривающего неравенство как неизбежность, порождаемую современными технологиями, левые либералы выступают за активную государственную политику по борьбе с ним, включая прогрессивное налогообложение, социальную защиту и укрепление позиций наемного труда в отношениях с бизнесом [Warren 2017].

Нужен и новый подход к глобализации, не отвергающий ее в принципе, но способный амортизировать ее издержки для уязвимой части общества, в том числе путем ослабления монополии элит на ведение международных торговых переговоров и подключения к ним общественности, как предлагают некоторые американские либералы³⁹. Вопрос стоит и шире: как сделать современный глобальный миропорядок приемлемым для национальных сообществ и их культуру, страдающих от его нивелирующего воздействия? «Мировой порядок, — отмечает У.Р. Мид, — должен базироваться

не только на консенсусе элит и балансе сил, но и на свободном выборе национальных сообществ, которые нуждаются в защите от внешнего мира, хотя и стремятся пользоваться преимуществами взаимодействия с ним» [Mead 2017].

В серьезной корректировке нуждается и избирательная система США, затрудняющая массовое политическое участие и искажающая народное волеизъявление. Архаическая коллегия выборщиков, растущие ограничения в регистрации избирателей, запутанная чересполосица штатного законодательства, практика искусственной перекройки границ избирательных округов в интересах местной партийной верхушки — все это привело к росту недоверия рядовых избирателей к выборам и избирательному процессу в целом. Недавние опросы агентства «Гэллуп» показывают, что только 30% американцев считают выборы в стране честными. Согласно данным Гарвардского исследовательского проекта по оценке честности и справедливости избирательных систем США занимают в международном рейтинге по этим критериям незавидное 52-е место, уступая не только остальным западным демократиям, но и таким африканским странам, как Кабо-Верде и Бенин⁴⁰.

«Трампизм» активизировал дебаты внутри Демократической партии о путях выхода из нынешнего кризиса. Все громче раздаются голоса критиков «политики идентичности», призывающих к повороту в сторону социально-экономических проблем и интересов малоимущей белой Америки. «Одержимость расовой, гендерной и сексуальной идентичностью исказила посыл либерализма» и привела к отчуждению белой сельской религиозной Америки, пи-

³⁷ Chait J. Obama Uses Farewell address to Call for Defense of Democracy Against Trump. New York Magazine, 10.01.2017. URL: www.nymag.com/daily/intelligencer/2017/01/obama-uses-farewell-address-to-call-for-defense-of-democracy-against-trump.html

³⁸ Глубокий анализ теоретических дебатов в США вокруг проблемы равенства и демократии см. [Баталов 2010: 235–239].

³⁹ Bernstein J., Wallach L. The New Rules of the Road: A Progressive Approach to Globalization. American Prospect Forum, 22.09.2016. URL: www.prospect.org/articles/a-progressive-approach-to-globalization.html

⁴⁰ Porter E. The Threat to U.S. Democracy: Political Disfunction. The New York Times, 3.01.2017. URL: www.nytimes.com/2017/01/01/business/economy/trump-election-democracy.html.

шет профессор Колумбийского университета М. Лилла, — «...стране необходим “пост-идентичностный либерализм”»⁴¹. Оппоненты тут же обвинили автора в стремлении «вернуть респектабельность превосходству белой расы», а чернокожий конгрессмен из Чикаго Р. Раш предупредил, что если демократы двинутся к «белому среднему и рабочему классу, считая поддержку черного среднего и рабочего класса гарантированной, то партия может приобрести руку, но потерять туловище»⁴².

Социологические исследования фиксируют серьезные различия по экономическим и социокультурным вопросам между американской глубинкой и «восходящими» группами коалиции демократов, примирить которые в рамках общей платформы крайне трудно⁴³. Особенно велик ценностный разрыв между зажиточной либеральной элитой демократов и белыми бедняками. «Чем больше партия отходит от морального императива представлять интересы всех малоимущих американцев независимо от их расовой и этнической принадлежности, — предупреждает в этой связи ветеран американской политической аналитики Т. Эдсалл, — тем выше риск повторения электорального провала 2016 г. в 2018, 2020 и в дальнейшие годы»⁴⁴.

Похожая ситуация размежевания складывается и в Республиканской партии, где традиционных партийцев теснит приток правых популистов, активизированных

кампанией Трампа. Идеологи последних, в том числе — Бэннон, не скрывают стремления превратить «великую старую партию» в «новое политическое движение» — «союз консерваторов и популистов на основе экономического национализма». «Если нам это удастся, — говорит он, — мы получим 60% голосов белых, 40% голосов черных и испаноязычных и будем править 50 лет»⁴⁵. Некоторые идеологи «трампизма» вроде С. Мура из Фонда наследия заявляют, что эра Рейгана закончилась и Трамп уже «превратил республиканцев в популистско-рабочую партию»⁴⁶. Сможет ли администрация Трампа (команда миллиардеров и богатых лоббистов, в которой есть открытые враги рабочего класса и профсоюзов) провести в жизнь уже намеченную повестку дня крупного бизнеса, не оттолкнув от себя белых рабочих, — большой вопрос.

Первые оценки налоговых предложений президента свидетельствуют о том, что от них прежде всего выиграют состоятельные слои и бизнес (в том числе и самого Трампа) при резком увеличении бюджетного дефицита и государственного долга⁴⁷. Каскад исполнительных указов нового руководителя США направлен на ослабление государственного регулирования финансовых институтов, федерального контроля в области защиты окружающей среды и борьбы с дискриминацией в сфере занятости. Предложенный его администрацией вари-

⁴¹ Lilla M. The End of Identity Liberalism. The New York Times, 20.11.2016. URL: www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-end-of-identity-liberalism.html

⁴² Edsall T. What Does Your Party Want? The New York Times, 5.01.2017. URL: www.nytimes.com/2017/01/05/opinion/what-does-your-party-want.html

⁴³ Edsall T. One Problem for Democratic Leaders is Democratic Voters. The New York Times, 22.12.2016 URL: www.nytimes.com/2016/12/22/opinion/one-problem-for-democratic-leaders-is-democratic-voters.html

⁴⁴ Edsall T. Has the Democratic Party Gotten Too Rich for It's Own Good? The New York Times, 01.06.2017. URL: www.nytimes.com/2017/06/01/opinion/democratic-party-rich-thomas-edsall.html

⁴⁵ Wolf M. Ringside with Steve Bannon at Trump Tower as the President-Elect's Strategist Plots "An Entirely New Political Movement". The Hollywood Reporter, 18.11.2016. URL: hollywoodreporter.com/news/steve-bannon-trump-tower-interview-trumps-strategist-plots-new-political-movement-948747

⁴⁶ Sanneh K. Intellectuals for Trump. The New Yorker, 09.01.2017. URL: www.newyorker.com/magazine/2017/01/09/intellectuals-for-trump

⁴⁷ Williamson V. The Trump Tax Agenda: A Gift to the Super Rich. Brookings Institution, 04.05.2017. URL: www.brookings.edu/blog/fixgov/2017/05/04/trump-tax-agenda-a-gift-to-the-super-rich

ант бюджета также отдает явный приоритет интересам большого бизнеса и ВПК при значительном сокращении социальных программ, адресованных трудящейся Америке. Предвыборные обещания Трампа в духе экономического популизма (гигантские вложения в инфраструктуру, реиндустриализация страны) оказались отложенными в долгий ящик.

Республиканцы и бизнес США не впервые используют социальное недовольство низов для осуществления консервативной повестки в экономической политике. Нечто подобное происходило в годы «рейганизма», но на сей раз разрыв между популистской риторикой и плутократической политикой Белого дома велик как никогда. Это вынуждает администрацию Трампа искать психологической компенсации для своих сторонников не на экономическом, а на других полях — социокультурном (прежде всего в вопросе ограничения иммиграции, а также прав сексуальных меньшинств, свободы продажи огнестрельного оружия, контроля над рождаемостью) и внешнеполитическом за счет бряцания оружием, устрашения «врагов Америки» и акцентирования американского национализма. Другой резерв «трампизма» в удержании своей популистской базы, который активно использует 45-й президент, — демонстративное размежевание с либеральным истеблишментом как главным внутренним врагом «забытой Америки». Тем более что враждебность к либералам — главное, что объединяет нынешнюю республиканскую коалицию консерваторов и правых популистов. На первых порах эта стратегия сработала: как свидетельствуют опросы, к исходу первых ста дней подавляющее большинство сторонников Трампа сохраняет лояльность лидеру, видя в нем, прежде всего, борца с «окопавшейся вашингтонской элитой»⁴⁸. Однако риск проводимой поли-

тики состоит в том, что она усиливает и без того глубокую поляризацию страны, в частности раскол внутри политической элиты, либеральная часть которой объявила настоящую войну администрации с самого начала ее правления.

Наглядным проявлением этого растущего раскола стало драматическое летнее противостояние в Шарлотсвилле и других городах страны между праворадикальными «белыми националистами» (о которых сочувственно отозвался президент) и их противниками. Опасения авторитетных американских политологов, что политика Трампа будет еще больше раскалывать страну по расово-этническому, идейно-политическому и другим водоразделам уже существующей поляризации (Jacobson 2017: 39–40), полностью подтвердились. После семи месяцев правления новой администрации 66% американцев считают, что Трамп скорее разъединяет страну, чем объединяет ее⁴⁹.

Старт новой команды оказался крайне неудачным. Итоги ее первых месяцев выглядят скромно даже по сравнению с самыми непопулярными президентами новейшего времени. Попытки Белого дома методами кавалерийской атаки выполнить главные предвыборные обещания: резко ограничить иммиграцию и ликвидировать введенную при Обаме программу медицинского страхования — натолкнулись на сопротивление судов, федеральной бюрократии и Конгресса, включая часть его республиканской фракции. В начале года только 34% американцев поддерживали налоговую реформу администрации, 30% — депортацию нелегальных иммигрантов, 21% — строительство стены на границе с Мексикой [Рогов, Рогова 2017: 36].

Утверждение руководящего состава администрации проходило в условиях почти единодушной обструкции сенаторов-демократов. Разведывательное сообщество и

⁴⁸ Mann T. Winners and Losers from President Trump's First 100 Days. The Washington Post, 29.04.2017. URL: www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/04/29/winners-and-losers-from-president-trump-first-100-days/?tid=pm_politics_pop@ntm_term

⁴⁹ <http://www.nytimes.com/2017/09/24/us/politics/trump-divisiveness.html>.

оппозиция в Конгрессе при поддержке крупных СМИ развернули серию расследований внешнего вмешательства в избирательный процесс США и связей деятелей администрации с представителями России. Они сразу же сковали свободу рук Белого дома в обещанном налаживании отношений с Москвой. Если добавить к внешнему давлению этические скандалы вокруг администрации, низкий профессионализм республиканской команды, эпатажный стиль лидера и внутренние конфликты в его окружении, то совсем неудивительно, что рейтинг самого Трампа в первые месяцы правления опустился до рекордно низкого для начинающего президента уровня в 35–40%. Под нажимом внешнеполитического истеблишмента страны он пересмотрел свое резко критическое отношение к НАТО, основным союзникам США и военному вмешательству за рубежом, отказался от выхода из НАФТА и отмены ядерной сделки с Ираном. Он также пожертвовал своим советником по национальной безопасности Майклом Флином, обвиненным в пророссийских симпатиях, и согласился на отставку Бэннона — наиболее раздражающей фигуры в глазах вашингтонского истеблишмента.

Первые результаты президентства Трампа подводят к выводу, что, вопреки предыдущим сомнениям, мэдисоновская система сдержек и противовесов пока в состоянии ограничить наиболее радикальные поползновения нетрадиционного президента. Несмотря на возросшую уязвимость к популистским захватам власти, на стадии формирования и реализации государственной политики политическая система США еще сохраняет свои противоавторитарные свойства. Однако сам по себе растущий разрыв между требованиями электорального успеха и эффективного правления,

столь наглядно выявленный победой Трампа, вызывает серьезную озабоченность американских экспертов⁵⁰. Первые итоги «трампизма» уже поставили перед ними вопрос об обратимости нового стиля президентского правления — станет ли «развязный популизм» с его прямым обращением к обывательской массе и пренебрежением сложившимися процедурами новой нормой или, напротив, — со временем вызовет отторжение и возврат к более традиционным методам?⁵¹

* * *

К исходу «первых ста дней» новой администрации страхи «антитрамповской» оппозиции несколько улеглись, чему способствовало и возникшее осознание: Трамп слишком некомпетентен, поверхностен и непоследователен, чтобы встать на путь систематической узурпации власти. Наблюдатели все больше сомневаются в прочности его популистских убеждений, отмечая, что им движет отнюдь не идеология, а «инстинктивное неприятие элит, которые, на его взгляд, никогда не оказывали ему должного уважения»⁵².

В свою очередь, истеблишмент выступает против президента не столько из-за опасений «популистской революции» (которая по большому счету не происходит), сколько ввиду явного несоответствия его личных качеств требованиям ответственного правления. Авторитарные замашки и непредсказуемость поведения Трампа, его неопытность и склонность к упрощенным рискованным решениям, особенно в случае возникновения кризисных ситуаций внутри и вне страны, продолжают вызывать серьезные опасения не только среди либералов. «Республика все еще держится, — подводит итоги «ста дней» обозреватель «Нью-Йорк таймс» Н. Кристоф, —

⁵⁰ *Wehner P.* Mr.Trump Goes to Washington. The New York Times, 28.04.2017. URL: www.nytimes.com/2017/04/28/opinion/donald-trump-goes-to-washington.html

⁵¹ См.: *Baker P.* How Trump Has Reshaped the Presidency and How It's Changed Him, Too. The New York Times, 29.04.2017. URL: www.nytimes.com/us/politics/trump-presidency-100-days.html

⁵² *Baker P.* As Trump Drifts Away From Populism, His Supporters Grow Watchful. The New York Times, 18.04.2017. URL: www.nytimes.com/2017/04/18/us/politics/populism-donald-trump-administration.html

сдержки и противовесы сдерживают Трампа, суды блокировали его запрет на въезд в страну, журналисты обеспечивают надзор за его работой, а общественность засыпает протестами офисы членов Конгресса. Тревога о том, что Соединенные Штаты могут скатиться к фашистской диктатуре, пошла на убыль, но у нас впереди еще три года и девять месяцев»⁵³.

Дальнейшая траектория феномена Трампа зависит от слишком многих переменных (хода расследований, состояния экономики, непредсказуемого поведения

самого президента), чтобы делать уверенные прогнозы. В любом случае отстранение 45-го президента от власти, даже если оно и произойдет, само по себе не решит проблем США, давших ему возможность эту власть завоевать⁵⁴. Многое будет зависеть от способности политической элиты извлечь должные уроки из феномена Трампа и внести серьезные изменения в традиционную политику. В таком случае этот очередной взрыв популизма может пойти на пользу американской демократии, как это уже не раз случалось в прошлом.

Список литературы

- Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). М.: Прогресс-Традиция, 2010. 374 с.
- Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 5. С. 3–17.
- Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960–е гг. – 2006). М.: МГИМО-Университет, 2008. 823 с.
- Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М.: Наука, 2008. 501 с.
- Печатнов В.О. Поляризованная Америка // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 11. С. 282–293.
- Печатнов В.В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI. 2017. № 1. С. 24–45.
- Рогов С.М., Рогова Н.В. Выборы 2016 года в США: итоги и перспективы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 2. С. 20–38.
- Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века (пер. с англ. И.В. Хлестаковой и Р.З. Хесташ). М.: Интеллектуальная литература, 1998. 128 с.
- Allen D. Equality and American Democracy // Foreign Affairs. – January/February 2016. P. 23–28.
- Allen J., Parnes A. Shattered: Inside Hillary Clinton's Doomed Campaign. New York: Crown Books, 2017. 480 p.
- Brown A. Against the Fuhrerprinzip: For Collective Leadership // Daedalus. – 2016. – Vol. 145. № 3. P. 109–123.
- Fukuyama F. American Political Decay or Renewal? // Foreign Affairs. – July/August, 2016. – No. 4. P. 58–68.
- Hamilton A., Madison J., Jay J., Rossiter C., Kessler Ch.R. The Federalist Papers. New York: New American Library, 1961. xxxi, 560 p.
- Hochschild A. Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right. New York: New Press, 2016. 351 p.
- Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004. 428 p.
- Jacobson G. [2017]. The Triumph of Polarized Partisanship in 2016: Donald Trump's Improbable Victory // Political Science Quarterly. – Vol. 132. No. 1. P. 9–41.
- Judis J. The Populist Explosion. How the Great Recession Transformed American and European Politics. Columbia Global Reports, 2016. 182 p.
- Inglehart R. Inequality and Modernization // Foreign Affairs. – January/February 2016. – No. 1. P. 2–10.
- Isenberg N. White Trash: The 400 Year Untold History of Class in America. New York: Viking, 2016. 460 p.

⁵³ Kristof N. Lessons from 100 Days of President Trump. The New York Times, 29.04.2017. URL: www.nytimes.com/2017/04/29/opinion/sunday/lessons-from-100-days-of-president-trump.html

⁵⁴ Это признают как консерваторы, так и многие либералы (См.: Merry R. Removing Trump Would Not Solve America's Crisis. The American Conservative, May 2017. URL: www.theamericanconservative.com/articles/removing-trump-won't-solve-america's-crisis.html; Brooks D. The Alienated Mind. The New York Times 23.05.2017 URL: www.nytimes.com/2017/05/23/opinion/alienated-mind-trump-supporters.html)

- Mead W.R. The Jacksonian Revolt. American Populism and the Liberal Order // Foreign Affairs. – March–April 2017. – No. 2. P. 2–7.
- Murray Ch. Coming Apart. The State of White America, 1960–2010. New York: Crown Forum, 2013. 417 p.
- Persily N. Can Democracy Survive the Internet? // Journal of Democracy. – 2017. – Vol. 28. No. 2. P. 63–76.
- Putnam R. Our Kids: The American Dream in Crisis. New York: Simon and Schuster, 2015. 386 p.
- Warren E. This Fight is Our Fight. The Battle to Save American Middle Class. New York: Metropolitan Books/Henry Holt and Company, 2017. 337p.
- Zakaria F. Populism on the March // Foreign Affairs. – November/December, 2016. – No. 6. P. 6–16.

THE TRUMP PHENOMENON AND AMERICAN DEMOCRACY

VLADIMIR PECHATNOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article is focused on the question how and why the iconoclastic candidate Donald Trump won in 2016 election despite the resistance of his own party and most of American political elite. Also analyzed are current American debates about causes, nature, and implications of this phenomenon for the future of American democracy.

The key component of Donald Trump's victory was a protest vote of America's working class, coming mostly from the Mid-West and the country heartland in general. This protest is rooted in deteriorating material conditions of this electorate that has suffered from the negative consequences of globalization and de-industrialization. It has also experienced a painful loss of status and identity in the context of a changing racial composition of the country and the spread of multiculturalism imposed by the liberal elite. Donald Trump's campaign, according to the author, has skillfully mobilized and rode this discontent channeling it against political elites, mainstream media and academic community, blamed for total disregard of ordinary Americans' interests. Speaking for the "Forgotten America" Trump offered a populist program of action in tune with this mood. The country's political class reacted to Trump's victory as an "authoritarian-nationalistic" threat to liberal institutions that had to be rebuffed. Defending liberal democracy from populist extremes becomes even more urgent in light of international scope of this challenge.

In this context, the article traces an erosion of the main institutional barriers on the way of populist protest – anti-majoritarian features of U.S. Constitution, the party leaders' control over nomination process, political elite dominance in public information through mainstream media and expert community. Since this erosion is largely irreversible, the main attention in the current debates is focused on searching for a constructive response to populist challenge – a response aimed to ameliorate its preconditions – a glaring social and economic inequality, negative consequences of globalization, and extremes of multiculturalism. The article's final conclusion is that the Trump phenomenon presents a serious test for American liberalism.

Keywords:

Trump; populism; democracy; liberalism; political elites; election of 2016.

References

- Allen D. (2016). Equality and American Democracy. *Foreign Affairs*. No. 1. P. 23–28.
- Allen J., Parnes A. (2017). *Shattered: Inside Hillary Clinton's Doomed Campaign*. New York: Crown Books. 480 p.

- Batalov E. (2010). *Problema demokratii v amerikanskoj politicheskoj mysli XX veka (iz istorii politicheskoj filosofii sovremennosti)* [Problem of Democracy in the American Political Thought of the 20th Century (from the History of Political Philosophy of Modernity)]. Moskva: Progress-Traditsia. 374 p.
- Brown A. (2016). Against the Fuhrerprinzip: For Collective Leadership. *Daedalus*. Vol.145, No. 3. P.109–123.
- Fukuyama F. (2016). American Political Decay or Renewal? *Foreign Affairs*. No. 4. P. 58–68.
- Garbuzov V. (2016). Amerikanskije konservativnye volny [American Conservative Waves]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 5. P. 3–17.
- Hamilton A., Madison J., Jay J., Rossitier C., Kessler Ch.R. (1961). *The Federalist Papers*. New York: New American Library. xxxi, 560 p.
- Hochschild A. (2016). *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. New York: New Press. xii, 351 p.
- Huntington S. (2004). *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon and Schuster. xii, 428 p.
- Jacobson G. (2017). The Triumph of Polarized Partisanship in 2016: Donald Trump's Improbable Victory. *Political Science Quarterly*. Vol.132, No. 1. P. 9–41.
- Judis J. (2016). *The Populist Explosion. How the Great Recession Transformed American and European Politics*. Columbia Global Reports. 182 p.
- Inglehart R. (2016). Inequality and Modernization. *Foreign Affairs*. No. 1. P. 2–10.
- Isenberg N. (2016). *White Trash: The 400 Year Untold History of Class in America*. New York: Viking. xvii, 460 p.
- Mead W.R. (2017). The Jacksonian Revolt. American Populism and the Liberal Order. *Foreign Affairs*. No. 2. P. 2–7.
- Murray Ch. (2013). *Coming Apart. The State of White America, 1960–2010*. New York: Crown Forum. x, 417 p.
- Okuneva L. (2008). *Brazilia: osobennosti demokraticeskogo proekta. Stranitsy novejshej politicheskoj istorii latinoamerikanskogo giganta (1960–2006)* [Brazil: Features of Democratic Project. The Essays in Newest Political History of Latin American Giant (1960–2006)]. Moskva: MGIMO–Universitet. 823 p.
- Pechatnov V. (2008). *Ot Dzhefersona do Klinton: Demokraticeskaya partiya SShA v bor'be za izbira-telya* [From Jefferson to Clinton: Democratic Party of the U.S. in the Fight for a Voter]. Moskva: Nauka. 501 p.
- Pechatnov V. (2010). Poliarizovannaya Amerika [Polarized America]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*. No. 11, 282–293 p.
- Pechatnov V. (2017). Traditsionnye tsennosti i ikh protivniki. *Rossiya XXI*. No. 1. P. 24–45.
- Persily N. Can Democracy Survive the Internet? // *Journal of Democracy*, Vol. 28, No. 2 (April 2017), P. 63–76.
- Putnam R. *Our Kids: The American Dream in Crisis*. New York: Simon and Schuster, 2015. 386 p.
- Rogov S., Rogova N. (2017). Vybory 2016 goda v SShA: itogy i perspektivy [2016 U.S. Elections: Results and Prospects]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 2, P. 20–38.
- Rorty R. (1998). *Achieving Our Country: Leftist Thought in Twentieth-Century America*. Cambridge: Harvard University Press. 1998. 159 p.
- Warren E. (2017). *This Fight is Our Fight. The Battle to Save American Middle Class*. New York: Metropolitan Books/Henry Holt and Company. 337 p.
- Zakaria F. (2016). Populism on the March. *Foreign Affairs*. No. 6. P. 6–16.